

Несостоятельность новѣйшаго пантеизма въ рѣшеніи существеннѣйшихъ для чело- вѣка вопросовъ.

Кто знакомъ съ историческимъ развитіемъ новѣйшаго пантеизма, съ его ложными началами и фальшивымъ методомъ, тотъ легко можетъ убѣдиться въ крайней несостоятельности и неосновательности пантеизма. Его не поразитъ ни изумляющая многихъ громадность пантеистическихъ системъ, ни строгое логическое ихъ построеніе, ни кажущаяся въ нихъ широта и всеобъемлемость взглядовъ, ни не останавливающаяся ни предъ чѣмъ смѣлость разума въ рѣшеніи важнѣйшихъ для чловѣка вопросовъ,—во всемъ этомъ онъ легко можетъ замѣтить одну пустоту и кичливость мысли, скрывающуюся подъ поражающею массою произвольныхъ, шаткихъ мнѣній,—ложь, прикрытую наружнымъ покрываломъ истины,—одну бесплодную и ни къ чему не ведущую затѣйливость, принимающуюся смѣло и безъ разбора за рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, и—между гѣмъ вмѣсто рѣшенія еще больше ихъ запутывающую, вмѣсто свѣта распространяющую еще большую тьму на темныя и сокроуенныя стороны бытія и жизни. Къ этому же самому убѣжденію касательно новѣйшаго пантеизма можетъ привести и еще больше утвердить въ немъ самый разборъ существеннѣйшихъ сторонъ ученія пантеистическаго, независимо отъ его историческаго развитія. Конечно достаточно быть знакому съ началами новѣйшаго пантеизма, съ его методомъ и развитіемъ,

чтобы быть убѣждену въ томъ, что пантеизмъ не могъ сдѣлать и не сдѣлалъ ничего важнаго и полезнаго для науки и жизни. Каждый легко пойметъ, была ли кабая возможность изъ начать темныхъ и безжизненныхъ произвести свѣтъ и жизнь,— избравши путь опасный и ложный, прійти самимъ и привести другихъ къ истинѣ и совершенству? Но намъ могутъ сказать, что за важность, что мы выходили изъ тѣхъ или другихъ началъ, шли тѣмъ или другимъ путемъ къ цѣли, къ рѣшенію своей задачи,—важно то, къ чему пришли, важны найденные нами великіе результаты для науки и жизни. Какъ ни странно подобное сочетаніе никогда не сочетаваемыхъ въ дѣйствительности вещей, каковы ложныя начала, и выводимые изъ нихъ важные результаты для науки и жизни, ложный методъ, и достиженіе посредствомъ его правильнаго рѣшенія великихъ задачъ, но это не освобождаетъ насъ отъ обязанности войти въ самое дѣло, и обратить вниманіе на то, что сдѣлалъ важнаго и полезнаго новѣйшій пантеизмъ, къ какому онъ пришелъ важнымъ результатамъ для науки и жизни, что новаго и свѣтлаго внесъ онъ въ область знанія, и полезнаго и благотворнаго въ область жизни? Рѣшеніе этихъ вопросовъ должно привести къ окончательному убѣжденію въ крайней несостоятельности пантеизма.

Для насъ нѣтъ никакой надобности входить въ разборъ всѣхъ вопросовъ и задачъ, рѣшеніемъ которыхъ занимался новѣйшій пантеизмъ, для нашей цѣли достаточно ограничиться одними существенными вопросами, около которыхъ больше всего вращается пантеизмъ,—каковы вопросы о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ и ихъ взаимномъ отношеніи, о религіи и нравственности,—и обратить вниманіе на то, что сдѣлалъ пантеизмъ для рѣшенія этихъ вопросовъ, важнѣйшихъ и существеннѣйшихъ для человѣка, съ которыми связанъ взглядъ его на все окружающее,—отношеніе ко всему и вся судьба его? Даль ли

пантеизмъ удовлетворительный отвѣтъ на нихъ и болѣе удовлетворительный, чѣмъ какому довольствовалося челоуѣчество, слѣдуя здравому смыслу и откровенію? Освѣтить ли онъ въ этихъ вопросахъ тѣ стороны, которыя искони были закрыты отъ глазъ челоуѣка непроницаемою завѣсою, или набросилъ на нихъ еще болѣе мракъ и тьму? Однимъ словомъ, сдѣлалъ ли въ этомъ случаѣ пантеизмъ какую либо услугу челоуѣчеству, за которую оно должно остаться ему благодарнымъ, или вмѣсто услуги принесъ много зла, за что каждый можетъ по праву отворотиться отъ него съ негодованіемъ?

Естественнѣе всего намъ было бы начать съ вопроса: есть ли у пантеистовъ Богъ, признаютъ ли они бытіе Божіе? Но пантеисты предупреждаютъ подобный вопросъ, возникающій изъ сомнѣнія на счетъ ихъ убѣжденія въ истинѣ бытія Божія. Они считаютъ обидною для себя несправедливостію, когда о нихъ трактуютъ наравнѣ съ атеистами, потому что они, какъ имъ кажется, не только не относятся враждебно къ религіи, а напротивъ еще стараются ее поддержать и поднять на степенъ разумнаго пониманія, не только не враждуютъ противъ Бога, а напротивъ думаютъ защитить и возвысить Его величіе, грубое и дѣтское представленіе о Немъ замѣнивши болѣе возвышеннымъ, разумнымъ и достойнымъ существа высочайшаго. Мы пока не намѣрены разубѣждать пантеистовъ въ противномъ, мы готовы вѣрить ихъ добрымъ намѣреніямъ религіознымъ, и охотно соглашаемся съ ними въ томъ, что они не имѣли и не имѣютъ намѣренія вредить духу религіи и подкапывать вѣру въ истину бытія Божія, мы даже готовы согласиться и съ тѣмъ, что будто бы пантеисты руководились доброю цѣлію въ своихъ изслѣдованіяхъ о Богѣ, имѣя въ виду защитить и утвердить вѣру въ Бога. Но что они добраго сдѣлали и дѣлаютъ въ этомъ отношеніи, достигли-ль и достигаютъ ли своей цѣли? Съ отвѣтомъ на этотъ вопросъ мы счи-

*

таемъ необходимымъ удержаться, пока не услышимъ отъ пантеистовъ и не выяснимъ ихъ ученія о Богѣ. Тогда будетъ говорить дѣло само за себя, тогда будетъ видно, въ какой мѣрѣ пантеисты служатъ дѣлу религіи, значенія которой они не отвергають, и въ какой мѣрѣ способствуютъ къ утвержденію вѣры въ Бога, отъ которой они не отказываются.

Итакъ прямо переходимъ къ самому важному и первоосновному въ религіи вопросу, на который пантеисты должны дать прямой, полный и рѣшительный отвѣтъ: что такое, по ихъ ученію, Богъ? Во всѣхъ пантеистическихъ системахъ можно найти отвѣтъ на этотъ вопросъ, но не всегда онъ ясенъ и опредѣленъ, и потому требуетъ немало вниманія и вниканія въ сущность дѣла, чтобы понять и представить его въ надлежащемъ и правильномъ видѣ. Мы спрашивасмъ у пантеистовъ: если они признають Бога существомъ, то какимъ представляютъ Его существомъ? Есть ли Онъ, по ихъ представленію, существо безконечное? Безъ всякаго сомнѣнія, такъ отвѣтять на это всѣ пантеисты: Бога иначе и мыслить нельзя, какъ безконечнымъ, все конечное должно быть изъято изъ понятія о Богѣ, со внесеніемъ чего либо конечнаго въ понятіе о Богѣ, должно будетъ обезобразиться и разрушиться самое понятіе о Богѣ, какъ существѣ по самой своей природѣ безконечномъ. Очевидно отвѣтъ такой, который можетъ быть вложенъ въ уста всякаго самаго строгаго теиста. Но пойдѣмъ дальше и потребуемъ у пантеистовъ болѣе подробнаго и отчетливаго понятія объ ихъ существѣ безконечномъ. Что это за безконечное существо, какаа его природа и жизнь, какими владѣтъ оно свойствами и совершенствами? Въ общемъ отвѣтъ на эти вопросы пантеисты повидимому сходятся съ нами но войдите въ подробности и вы увидите совершенно другое. Они всѣ твердятъ, что безконечное существо есть совершеннѣйшее существо, что оно чуждо всякаго несовершенства, со-

ставляющаго удѣлъ однѣхъ конечныхъ существъ, что оно есть полнота чистѣйшаго и совершеннѣйшаго бытія, но если вы спросите, какими же совершенствами, какими качествами владѣетъ это существо, получите отвѣтъ совершенно неожиданный, и совершенно запутывающій и затемняющій представленіе о Богѣ, какъ дѣйствительно совершеннѣйшемъ и живомъ существѣ. Вы услышите отъ пантеистовъ напримѣръ въ родѣ слѣдующаго: Богъ есть конечно существо совершеннѣйшее, но Онъ безконеченъ и Его совершенства безконечны, потому самому не должно быть и рѣчи о какихъ либо частныхъ и опредѣленныхъ совершенствахъ въ Богѣ, они достояніе однихъ конечныхъ существъ; приписывать ихъ Богу, значитъ низводить Его въ рядъ конечныхъ существъ и т. п. Подобной запутанности, темноты и сбивчивости въ представленіяхъ пантеистовъ о Богѣ еще больше встрѣтите, когда станете доискиваться у нихъ болѣе опредѣленнаго и точнаго понятія о свойствахъ и совершенствахъ Божіихъ. Если, напримѣръ, спросите у пантеистовъ, владѣетъ ли, по ихъ представленію, Богъ совершеннѣйшимъ разумомъ? На это получите отвѣтъ, что Богъ есть чистѣйшая и вмѣстѣ безпредѣльная мысль, въ которой не можетъ быть никакихъ границъ и опредѣленій, которой по этому самому нельзя приписывать разума, составляющаго совершенство въ существахъ конечныхъ, но вовсе не соответствующаго совершенству природы мысли безконечной и неограниченной. На вопросъ: владѣетъ ли Богъ совершеннѣйшею волею, услышите подобный же отвѣтъ, равно какъ и на вопросъ—есть ли Богъ существо личное? Вотъ значитъ пунктъ на которомъ расходятся пантеисты съ нашимъ представленіемъ о Богѣ,—пунктъ весьма важный, который потому долженъ быть уясненъ съ возможною тщательностію, чтобы можно было имѣть надлежащее сужденіе о значеніи пантеистическаго ученія о Богѣ.

Не заходя далеко, мы могли бы прямо обратиться къ послѣднимъ представителямъ пантеизма и выслушать ихъ ученіе о природѣ и свойствахъ Божіихъ. Но они желающихъ ихъ понять отсылаютъ къ своему знаменитому предшественнику Спинозѣ, указывая на его ученіе, какъ предварительно необходимое для того, чтобы можно было достаточнымъ образомъ подготовиться къ пониманію ихъ высшаго и совершеннѣйшаго ученія о Богѣ. Мысль, говоритъ Гегель, должна твердо стать на почвѣ спинозизма прежде, чѣмъ захочетъ подниматься еще выше. Вы хотите быть философъ, начинайте быть спинозистомъ, безъ этого вы ничего не сдѣлаете. Нужно прежде всего погрузиться въ тончайшій эвиръ единственной, всеобщей и безличной субстанціи, гдѣ душа должна очиститься отъ всего частнаго и отрѣшиться отъ всего того, что доселѣ признавала она истиннымъ, безусловно отъ всего. Намъ цѣль никакой надобности слушаться совѣта, который давалъ Гегель своимъ ученикамъ, съ цѣлю отрѣшиться ихъ отъ представленія о личномъ Богѣ, но—мы видимъ, отчего такъ важенъ Спиноза для Гегеля, онъ хорошо чувствовалъ, чья кровь текла въ его жилахъ и его послѣдователей. Можно сказать съ увѣренностію, что не будь Спинозы, не было бы Гегеля и гегельянцевъ, и потому мы охотно соглашаемся съ тѣмъ, что необходимо обратиться первоначально къ Спинозѣ, для того чтобы легче понять ученіе о Богѣ и позднѣйшихъ пантеистовъ. Что же такое, по ученію Спинозы, Богъ? Богъ есть безконечная субстанція, владѣющая безконечными атрибутами. Кромѣ субстанціи и ея атрибутовъ, есть еще конечныя явленія (модусы), они относятся уже не къ бытію, имѣющему основаніе въ себѣ самомъ (*natura naturans*), а къ области бытія зайствованнаго, имѣющаго причину свою внѣ себя (*natura naturata*). Атрибутовъ субстанціи два: протяженіе и мышленіе, они могутъ быть приписаны субстанціи потому, что они без-

конечны, больше пѣть безконечныхъ атрибутовъ, и потому ничего, кромѣ ихъ, не можетъ быть приписано субстанціи, безъ униженія ея природы. Итакъ Богъ, по ученію Спинозы, какъ субстанція, обладающая атрибутомъ мышленія, есть существо мыслящее. Какой же предметъ божественной мысли, и какова ея природа? Есть ли какая либо аналогія, или хоть тѣнь сходства между нею и мыслию человѣческой? Есть ли между ними отношеніе похожее на то, какое находится между копіею и моделью? Предметъ божественной мысли, по словамъ Спинозы, есть Самъ Богъ, то есть сама въ себѣ взятая субстанція, даже независимо отъ ея атрибутовъ, и только. Мысль божественная, значитъ, не обнимаетъ даже своихъ атрибутовъ. Какъ ни странно видѣть такое раздѣленіе между мыслию божественною и атрибутами божественными, которые нераздѣлимы съ субстанціей, и изъ коихъ одинъ есть самое мышленіе, но оно допускается и требуется Спинозою, отнесшимъ идею Бога, или атрибутовъ Божіихъ—не къ Богу, какъ безконечной субстанціи, а къ области конечныхъ явленій (*natura naturata*). Почему? Потому, что безконечное должно быть безусловно безконечнымъ,—оно не терпитъ безусловно никакого ограниченія бытія, или отрицанія. Идея атрибутовъ Божіихъ, какъ такая, а не иная идея, есть уже ограниченіе или отрицаніе бытія Божія, слѣдовательно должна быть необходимо изъята изъ мысли божественной, которая не есть такая или иная мысль, то есть такое или иное отрицаніе мысли, но она есть всецѣло мысль, всецѣло положительна,—мысль во всей своей полнотѣ и чистотѣ. Слѣдовательно, мысль божественная безусловно неопредѣленна, безкачественна, какъ ея предметъ—безусловно неопредѣленная субстанція, отрѣшенная отъ всѣхъ атрибутовъ.

Можно уже предугадывать, что Спиноза скажетъ о сравнительномъ отношеніи мысли божественной къ разуму чело-

вѣческому. Разумъ есть ограниченіе мысли, а всяко ограниченіе есть отрицаніе (*omnis determinatio est negatio*). (Слѣдовательно въ мысли божественной, какъ безконечной, не можетъ имѣть мѣста разумъ, или что либо подобное разуму чловѣческому, потому что разумъ не можетъ быть безконечнымъ. Ибо что такое разумъ чловѣческій? Это не болѣе, какъ рядъ частныхъ, конечныхъ явленій мысли. Вообразать, что въ душѣ есть какая либо сила и способность производить мысли,— это пустая мечта. Итакъ приписывать Богу разумъ, это значитъ приписывать конечный рядъ мыслей,—что очевидно нелѣпо. Но нельзя ли приписать Богу безконечный разумъ? Что же будетъ безконечный разумъ, разсуждастъ Спиноза?—это—безконечный рядъ идей. Но приписывать Богу и такой разумъ, значитъ унижать божественную мысль, значитъ налагать на нее условія развитія и преемственности, значитъ низводить ее со степени совершенства на степень бѣдности и нищеты конечной мысли чловѣческой? Разумъ по своей природѣ ограниченъ и его существенное свойство—преемственность и способность переходить отъ одной идеи къ другой при постоянномъ, но въ тоже время бесплодномъ усилии исчерпать всю полноту мысли. Онъ можетъ составлять совершенство одной только несовершенной природы чловѣческой, только стремящейся къ совершенству, но никогда его не достигающей.

На вопросъ: обладаетъ ли Богъ совершеннѣйшею волею, у Спинозы отвѣтъ тотъ же. Воля есть опредѣленіе, или отрицаніе бытія, слѣдовательно было бы противорѣчіемъ приписывать ее существу безконечному, которому принадлежитъ одна безконечная и безусловная дѣятельность.

Что такое воля?—Текуцій рядъ хотѣній, все равно какъ разумъ преемственный рядъ идей,—внѣ и независимо отъ хотѣній—воля—химера, въ этомъ случаѣ ея нѣтъ. Воля безконечная, поэтому будетъ, если ее вообразить, ничѣмъ инымъ,

какъ только безконечнымъ рядомъ преемственныхъ хотѣній. И эту волю, приписывать Богу, не говоря уже о конечной, не значитъ ли уничтожать и уродовать дѣятельность божественную, безусловную, которая есть дѣятельность безконечная, а не преемственная, простая, а не сложная, изъ различныхъ актовъ необходимая, а не опредѣляемая сторонними условіями, однимъ словомъ, безусловно совершенная и изъятая отъ всѣхъ несовершенствъ, неровностей и колебаній воли человѣческой. Итакъ, по ученію Спинозы, въ Богѣ есть дѣятельность безусловная, по безусловно неопредѣленная, и безъ воли, и безъ дѣйствій.—Если бы мы, наконецъ, предложили Спинозѣ вопросъ: что же такое, по его мнѣнію, Богъ? есть ли Онъ существо личное? отвѣтъ у него уже готовъ, послѣ рѣшенія имъ вопроса о мысли божественной и дѣятельности божественной. *Omnis determinatio est negatio*. Но что такое личность, какъ не *determinatio*? Она не заключаетъ ли въ себѣ нѣчто опредѣленное, и не предполагаетъ ли, и не исключаетъ ли нѣчто, виѣ ея находящееся и въ составъ ея не входящее? А Богъ безконечная и всеобъемлющая полнота бытія. Приписывать Ему личность, значитъ отрицать Его безконечность. Безконечность и личность—два понятія несовмѣстимыя и исключаютъ одно другое.

Вотъ въ существенныхъ чертахъ ученіе Спинозы о Богѣ. Зная его, уже никакого не будетъ труда понять ученіе и позднѣйшихъ пантеистовъ, въ главномъ совершенно схожихъ съ Спинозою. Въ основѣ ихъ представленія о Богѣ стоитъ та же мысль Спинозы о безконечномъ и о противорѣчии между безконечнымъ и опредѣленными качествами бытія,—каковы, на примѣръ, разумъ, воля, личность. Руководясь ею, всѣ пантеисты, во имя величія Божіа, какъ существа безконечнаго, подобно Спинозѣ, отнимаютъ у Него всѣ опредѣленные свойства бытія и жизни, какъ несовмѣстимыя съ Его безконечно-

стию, и низводятъ на степень существа, или, точнѣе скринги, бытія безусловно неопредѣленнаго, безкачественнаго, бесличнаго. «Вы приписываете Богу, говоритъ Фихте, личность и сознание. Что же вы называете личностію и сознаниемъ? не то ли, что вы находите въ самихъ себѣ, и видите въ другихъ подобныхъ же людяхъ? Но вѣдь вы существа конечныя; не дѣлаете ли вы, послѣ этого, и Бога также существомъ конечнымъ?» Гегель, упрекая Спинозу за обезличеніе его субстанціи, повидимому хотѣлъ защитить личность Божества, но на дѣлѣ—онъ довелъ ее до ничтожества, уничтоживши ее въ самомъ Божествѣ, и перенесши въ кругъ конечныхъ личностей. Уясняя мысль своего учителя, Штраусъ въ силу тѣхъ же основаній, которыми руководился Спиноза, старается доказать, что безконечное и личность—понятія несовмѣстимыя, что Безконечному нельзя приписывать ни разума, знанія и мудрости, ни воли, благодати и святости, и другихъ подобныхъ свойствъ, потому что всѣ они необходимо соединены съ условіями конечнаго, ограниченнаго бытія, какъ-то:—съ случайностію, преемственностію и послѣдовательностію. Личность, говоритъ Штраусъ, есть я, сосредоточенное въ себѣ самомъ,—въ противоположность другимъ я; абсолютное же, напротивъ, есть безконечное, которое все обнимаетъ и все содержитъ, и которое, слѣдовательно, не исключаетъ ничего. Личность абсолютная слѣдовательно нелѣпость.—Таже мысль проникаетъ ученіе о Богѣ всѣхъ позднѣйшихъ пантеистовъ. Всѣ они разсуждаютъ въ родѣ слѣдующаго: вы признаете, и не можете не признать Бога безконечнымъ; какъ же вы можете приписывать Ему, переносить съ человѣка на Него—я заключенное въ себѣ самомъ, сознание, волю, радость, любовь, и другія черты личности? я—предполагаетъ не я,—границу, предѣлъ бытія; разумъ—разнообразіе и преемственность познаній; воля—усилія, радость—печаль, любовь—огорченіе. Богъ личный,

слѣдовательно, сознаниемъ, волею и ощущеніемъ будетъ Богомъ ограниченнымъ. Онъ, пожалуй, будетъ болѣе разумнымъ, болѣе могущественнымъ, болѣе совершеннымъ, чѣмъ человекъ, но все же принадлежащимъ къ роду тѣхъ же конечныхъ существъ, и несравнено будетъ ниже безконечнаго существа. Существо безконечное выше всѣхъ опредѣленій и границъ бытія.

Вотъ ученіе о Богѣ новѣйшихъ пантеистовъ съ повѣйшимъ и, по ихъ мнѣнію, болѣе рациональнѣйшимъ воззрѣніемъ на Бога, долженствующимъ замѣнять собою прежнее представленіе грубое и устарѣвшее!

Что же такое, по смыслу этого ученія, будетъ Богъ?— Существо безконечное и безъ всякихъ опредѣленныхъ свойствъ и качествъ.—Полнота совершеннѣйшаго бытія, и безъ всякихъ опредѣленныхъ совершенствъ.—Полнота чистѣйшей мысли, и безъ сознанія и разума.—Полнота безусловной дѣятельности, но безъ воли и всякихъ ощущеній и дѣйствій. Что это за существо, и есть ли оно существо? Мыслимо ли оно? Можетъ ли мысль представить возможнымъ подобное существо? Едва ли. Можетъ быть мысль въ какихъ либо случайныхъ ненормальныхъ состояніяхъ, въ которыхъ она отрывается отъ живой дѣйствительности, и найдется въ силахъ представить такое существо возможнымъ, но этого никогда не сдѣлаетъ мысль, твердо держащаяся на корнѣ живаго и здраваго смысла, находящаяся въ живой и нормальной связи съ дѣйствительностію. Наша мысль никакого не можетъ мыслить бытія или существа безъ какихъ либо опредѣленныхъ свойствъ и качествъ, каково бы оно ни было, конечное, или безконечное, потому что между бытіемъ и бытіемъ не можетъ быть безусловнаго противорѣчія, хотя могутъ быть совершенно различныя условія того и другаго. Когда мы размышляемъ о Существоѣ безконечномъ, очень хорошо и ясно понимаемъ, какое находится безконечное различіе между Нимъ и конечными существами,

но въ то же время насколько признаемъ Его дѣятельнымъ существомъ, настолько не можетъ, вопреки законамъ и требованіямъ своей мысли, отказаться отъ необходимости представлять Его съ опредѣленными свойствами и качествами, — не можетъ потому, что таковы непреложные законы мысли, могущей представлять дѣйствительное существо такъ, а не иначе. Въ этомъ удостовѣряетъ и наше сознаніе, и общій здравый смыслъ, представляющій такъ, а не иначе божественное существо, хотя признаетъ Его безконечнымъ и безконечно отличнымъ отъ существъ конечныхъ.

Итакъ, по нашему мнѣнію, если можно представить существо безконечное—безъ всякихъ свойствъ дѣйствительнаго бытія то это можно сдѣлать не иначе, какъ развѣ только разорвавши живую связь съ сознаніемъ и дѣйствительностію, и перенесши въ область пустой, безцвѣтной и безжизненной абстракціи, стоящей въ противорѣчій съ дѣйствительностію. Но такое существо, во всякомъ случаѣ, должно будетъ стоять въ противорѣчій съ законами мысли и бытія. Это противорѣчіе такъ несомнѣнно и очевидно, что не могли скрыть его нѣкоторые изъ самихъ же пантеистовъ. Шеллингъ, наиримѣръ, прямо признаетъ противорѣчіемъ самое понятіе объ абсолютномъ, какъ существующемъ подъ условіями и формами сознанія и бытія, понимая конечно, въ этомъ случаѣ абсолютное въ смыслѣ пантеистическомъ, какъ существо безусловно неопредѣленное и безкачественное. Гегель же, чтобы выйти изъ этого противорѣчія, свое абсолютное отождествляетъ съ ничтожествомъ, и его Богъ у одного изъ учениковъ его Обена, даваго Ему надлежащую формулу, является равнымъ нулю.

Вотъ неизбѣжный исходъ изъ тѣхъ противорѣчій, въ которыя поставилъ себя новѣйшій пантеизмъ своимъ ученіемъ о Богѣ. Иначе и быть не могло. Поставивши—вмѣсто живаго и дѣйствительнаго Бога—какое-то существо, хотя безконечное,

по безусловно неопредѣленное, безкачественное, немыслимое, и стоящее въ противорѣчїи съ мыслию, оставалось одно сдѣлать—признать его несуществующимъ на дѣлѣ, ничтожествомъ, пустою абстракціею, чѣмъ и было оно на дѣлѣ.

Послѣ этого долженъ быть понятенъ для насъ смыслъ пантеистическихъ формулъ ученія о Богѣ: что Онъ есть бытіе безконечное, но безъ всякихъ качествъ, и совершеннѣйшее, но безъ всякихъ опредѣленныхъ совершенствъ, мыслящее, но безъ сознанія и разума, дѣйствующее, но безъ воли и дѣйствій.— Это будетъ равносильно слѣдующей формулѣ: Богъ есть бытіе—безъ бытія, совершенство безъ совершенствъ, мысль безъ мысли, дѣятельность безъ дѣятельности, или что то же—Гегелево ничтожество или нуль. Послѣ сего натурально обратиться къ пантеистамъ съ вопросомъ: изъ-за чего же вы ломали себѣ головы, столько предпринимали самой напряженной умственной работы, желая разрѣшить вопросъ о существѣ божественномъ? Для того ли, чтобы только больше запутать его рѣшеніе, или чтобы поскорѣе покончить его рѣшеніе отрицательнымъ отвѣтомъ? Но зачѣмъ же вы на первыхъ порахъ представлялись друзьями и защитниками вѣры въ Бога, глубоко и искренно сочувствующими религіознымъ стремленіямъ и потребностямъ человѣчества? Зачѣмъ такъ часто въ устахъ вашихъ повторялось имя Божіе, которое такъ глубоко чтитъ человѣчество, и которое вы сами, казалось, произносили не безъ соотвѣтствующаго ему смысла и значенія? Трудно повѣрить, чтобы это было недостойнымъ благороднаго мыслителя притворствомъ и лукавствомъ, потому что вы считаете для себя обидою и оскорбленіемъ, когда относятъ васъ къ разряду атеистовъ. Но въ такомъ случаѣ тѣмъ болѣе мы должны пожалѣть о томъ, въ какую вы, мимо своей воли и сознанія, испали бездну заблужденій и противорѣчій! Вы желали постигнуть и уяснить природу существа божественнаго, а пришли къ отрицанію истин-

наго, живаго и дѣйствительнаго Бога. Вы желали поддержать и возвысить теизмъ, а пришли къ атеизму. А въ слѣдствіе чего? Въ слѣдствіе того, что, оставивши прямой путь къ цѣли, пошли путемъ непрямымъ, вами самыми измышленнымъ, которымъ никакой нѣтъ возможности дойти до истины. Въместо того, чтобы имѣть дѣло съ живымъ сознаніемъ и живою дѣйствительностію, вы перенеслись въ пустую и безжизненную область абстракціи, и здѣсь вздумали рѣшать вопросъ о живомъ и дѣйствительномъ безконечномъ существѣ. Не удивительно, поэтому, если самое рѣшеніе, заимствованное вами изъ этой области пустой, стало въ противорѣчіе съ законами мысли и бытія. Между тѣмъ этого не могло бы быть, если бы за основаніе для разсужденій о Богѣ, вмѣсто абстрактной идеи безконечнаго бытія, взята была живая идея о безконечномъ существѣ, живущая въ общемъ сознаніи человѣчества. Не всегда она одинаково бываетъ ясна и свѣтла, но всегда въ ней найдете слѣды сознанія о верховномъ Сущемъ, хотя безконечномъ, но въ то же время живомъ и дѣйствительномъ, владѣющимъ дѣйствительными, опредѣленными качествами и совершенствами. Но на это могутъ сказать намъ пантеисты: вы вините насъ въ противорѣчій, а сами идете, и хотите вести другихъ къ болѣе очевидному и несомнѣнному противорѣчію, указывая на существо безконечное, и въ то же время владѣющее опредѣленными качествами. То несомнѣнно, что всякое опредѣленіе есть отрицаніе бытія. Значить, должно быть признано одно изъ двухъ: или Богъ—безконеченъ, и—безъ великихъ свойствъ и опредѣленій, или же Онъ съ свойствами и опредѣленіями, и тогда Онъ—ограниченъ. Вотъ дилемма, которой требуетъ неумолимая логика. Средины здѣсь нѣтъ, и быть не можетъ.

Конечно ее нѣтъ и не можетъ быть для тѣхъ, которые не хотятъ искать ее, и напередъ постановляютъ себѣ задачу—

во что бы ни стало ее отвергнуть; но она может быть, и есть, и притомъ какъ несомнѣнная и очевидная, для тѣхъ, которые безъ предубѣжденія вникають въ существо дѣла.

Пантеистическая дилемма также произвольна, пуста и неосновательна, какъ и то главное положеніе, на которомъ она строится,—что *omnis determinatio est negatio*. Ничего не можетъ быть фальшивѣе и несоотвѣтственнѣе съ порядкомъ вещей и съ законами мысли, какъ это положеніе. Пантеисты поставляютъ во внутренней, безусловно необходимой связи, смѣшиваютъ и отождествляютъ одно съ другимъ—опредѣленіе бытія, и его границы, или отрицаніе. Но это крайнее непониманіе или извращеніе дѣла, происходящее или отъ недостатка вниканія въ дѣло, или отъ слѣплаго предубѣжденія.

Что такое опредѣленіе бытія и ограниченіе его, или отрицаніе? Опредѣленіе обнимаетъ собою то, что есть существеннаго и вмѣстѣ съ тѣмъ характеристическаго въ бытіи, ограниченіе же или отрицаніе указываетъ на границы на неполноту бытія, на то, чего въ немъ нѣтъ. Кто не видитъ, что между тѣмъ и другимъ находится огромная разница, что они не только не тождественны, но различны до противоположности, и находятся между собою въ совершенно обратномъ отношеніи? Возьмемъ для уясненія дѣла простой примѣръ. Я существо разумное, я имѣю разумъ, но мой разумъ ограниченъ. Разумъ, которымъ я владѣю, вотъ существенное и характеристическое свойство моей природы, отличающее меня отъ словесныхъ и другихъ низшихъ существъ и возвышающее меня надъ ними. Ограниченіе же моего разума, по которому онъ не можетъ знать многого, будучи подчиненъ условіямъ развитія и преемственности,—вотъ границы моей природы, указывающія на ея неполноту и несовершенство, или же, по выраженію пантеистовъ, на отрицаніе и небытіе. Не то составляетъ несовершенство, недостатокъ и неполноту бытія, что я

разуметь, а то, что мой разумъ ограниченъ. Напротивъ же, насколько я разуменъ, насколько владѣю разумомъ, настолько я участвую въ совершенствѣ и полнотѣ бытія, и настолько мнѣ чуждо совершенство, и охватываетъ ничтожество, насколько я неразуменъ, насколько узки границы моего разума. Не трудно ли видѣть, что между разумомъ, какъ существеннымъ и характеристическимъ свойствомъ нашей природы, и его ограниченностію, указывающею на ея предѣлы, не только нѣтъ тождества, а есть существенная и для всякаго осязательная разность, доходящая до противоположности? Опредѣленіе и отрицаніе въ этомъ случаѣ въ такомъ стоятъ отношеніи между собою, какъ совершенство къ несовершенству, бытіе къ небытію. Такое же отношеніе между ними и въ другихъ случаяхъ.

Судя по смыслу пантеистическаго положенія, должно бы быть такъ: опредѣленіе и отрицаніе, будучи между собою тождественны, должны бы стоять всегда въ одинаковомъ и равномѣрномъ отношеніи между собою, такъ что когда бы увеличивалось опредѣленіе, должно увеличиваться и отрицаніе, и наоборотъ гдѣ уменьшалось бы опредѣленіе, тамъ должно бы уменьшаться и отрицаніе. Но такъ ли бываетъ на дѣлѣ? Не встрѣчаемъ ли мы въ опытѣ совершенно противное? Переходите вы постепенно отъ существъ, имѣющихъ больше опредѣленій, качествъ и характеристическихъ свойствъ къ существамъ, въ которыхъ этихъ опредѣленій все меньше и меньше, и вы будете не восходить, и постепенно болѣе и болѣе нисходить по лѣстницѣ существъ—отъ челоуѣка до животнаго, отъ животнаго до растенія, отъ растенія—до камней, металловъ и минераловъ. Напротивъ если вы станете постепенно переходить отъ существъ, въ которыхъ—меньше существенныхъ свойствъ и качествъ бытія или опредѣленій, къ существамъ, въ которыхъ они возрастаютъ больше и больше, вы будете не опускаться, а постепенно восходить по лѣстницѣ существъ, отъ

низшихъ къ высшимъ, отъ существъ неорганическихъ къ органическимъ, отъ растенія до животнаго, отъ животнаго до человѣка, который сравнительно съ низшими его существами есть существо, обладающее наибольшимъ разнообразіемъ свойствъ и качествъ,—есть существо наиболѣе опредѣленное и совершенное. Между тѣмъ съ точки зрѣнія пантеистовъ должно бы слѣдовать, что человѣкъ, какъ владѣющій сравнительно съ другими существами большею суммою опредѣляющихъ качествъ, долженъ быть признанъ существомъ, менѣе другихъ совершеннѣйшимъ, менѣе другихъ участвующимъ въ полнотѣ бытія, что онъ тогда бы былъ совершеннѣе, когда бы былъ лишенъ настоящихъ, опредѣляющихъ его природу, свойствъ, напримѣръ разума, воли, чувства, и т. д. Едвали согласятся сами пантеисты на этотъ выводъ, хотя естественны вытекающія изъ ихъ положенія. Далѣе, еще можемъ спросить, чѣмъ измѣряется обыкновенно совершенство въ самой природѣ человѣческой, начиная отъ дѣтства человѣка до возраста зрѣлаго? Большею или меньшею степенью неопредѣленности его силъ и способностей? Нисколько. Это дѣло неслыханное. Напротивъ, не всѣми ли одинаково признается, что каждый человѣкъ по той мѣрѣ восходитъ отъ совершенства къ совершенству, въ какой развиваетъ, укрѣпляетъ и опредѣляетъ свои силы и способности?

Каково же, спрашивается послѣ этого, должно быть существо самое дѣйствительное и совершеннѣйшее?—Очевидно, самое опредѣленнѣйшее. И напротивъ, какое существо менѣе всего дѣйствительное и совершенное, менѣе всего существо?—это существо самое неопредѣленное. Вотъ выводъ, къ которому долженъ привести каждаго здравомыслящаго анализъ отношеній между понятіями опредѣленія и отрицанія, заключающимися въ положеніи пантеистическомъ *omnis determinatio est negatio*.

Понятно послѣ сего, какую силу и значеніе имѣеть эта пантеистическая аксіома въ вопросѣ о существѣ безконечномъ и совершеннѣйшемъ. Если она не имѣеть никакого смысла по отношенію къ существамъ конечнымъ и несовершеннымъ, то что сказать о ея значеніи по отношенію къ существу совершеннѣйшему, владѣющему всею полнотою бытія, и стоящему выше всякихъ предѣловъ и границъ, въ которыя заключены существа конечныя? Если въ существахъ конечныхъ ихъ совершенство составляютъ свойства, опредѣляющія ихъ природу, и если эти свойства яснѣе и полнѣе проявляются и возрастаютъ по той мѣрѣ, какъ уменьшаются границы конечнаго бытія, то что другое мы въ правѣ предположить въ существѣ безконечномъ, изъятомъ отъ всѣхъ несовершенствъ и ограничивающихъ условій бытія, кромѣ одной полноты существеннѣйшихъ и дѣйствительнѣйшихъ свойствъ бытія, исключаящей всякое представленіе о безкачественности, безсодержательности и неопредѣленности? Богъ, слѣдовательно, долженъ быть признанъ въ разсматриваемомъ нами отношеніи существомъ безусловно опредѣленнымъ, въ противоположность мнѣнію пантеистовъ, представляющихъ Его существомъ безусловно неопредѣленнымъ, безразличнымъ и безкачественнымъ. Во всѣхъ конечныхъ существахъ есть извѣстная доля неопредѣленности, потому что всѣ они владѣютъ силами несовершенными, стремящимися по тому самому постоянно къ развитію и большому совершенству, находящемуся впереди ихъ. Въ Богѣ же вся полнота бытія и совершенствъ, Его силы въ полномъ совершенствѣ и не пугдаются въ развитіи; въ Немъ ничего нѣтъ такого, чему бы нужно было развиваться и усовершенствоваться, Онъ—одинъ, слѣдовательно, изъятъ отъ всякой неопредѣленности.

Но опредѣленіе, могутъ сказать пантеисты, стоитъ въ неразрывной связи съ границами бытія, или отрицаніемъ. Переносъ опредѣляющія свойства на существо безконечное, пужно

перенести на Него и границы бытія, что будетъ противорѣ-
чіемъ. Освобождая же отъ всякихъ предѣловъ безконечное,
нужно исключить въ немъ всякія опредѣленія.—Почему же
такъ? Вы сами представляете безконечное стоящимъ выше
всѣхъ условій, которыя наложены на бытіе существъ конче-
ныхъ, а между тѣмъ въ то же время ни за что не хотите отрѣ-
шиться отъ этихъ условій въ представленіи своемъ о Безко-
нечномъ? Опредѣляющія свойства и границы бытія стоятъ въ
неразрывной связи между собою въ области конечныхъ су-
ществъ. Но почему? Потому что эти существа конечны и огра-
ничены, а не потому, чтобы опредѣленіе, само по своей при-
родѣ было одно и то же, что границы бытія, или отрицаніе
бытія. Опытъ показываетъ, какъ мы уже видѣли, что опредѣ-
леніе и отрицаніе бытія находятся между собою совершенно
въ обратномъ отношеніи. Почему же нельзя намъ представить
чистаго опредѣленія безъ отрицанія? Почему нельзя предста-
вить существа съ полнотою однихъ опредѣленій, дѣйствитель-
ныхъ свойствъ и качествъ безъ всякихъ границъ, безъ отри-
цанія? Какое тутъ противорѣчіе? Что за необходимость, пред-
ставляя существо безъ границъ бытія, исключать изъ предста-
вленія о Немъ всякое опредѣляющее и характеризующее Его
свойство? Мы никакъ не можемъ понять этой необходимости,
безъ противорѣчія здравому разуму, руководящемуся общими
законами мысли и бытія, усматривающему въ бытіи конечномъ
образъ безконечнаго, и не допускающему противорѣчія между
тѣмъ и другимъ. Мы не можемъ понять и того, какимъ обра-
зомъ, и съ самой же паптеистической точки зрѣнія на міръ,
должно слѣдовать, что Богъ долженъ быть совершенно беско-
нечнымъ и безусловно неопредѣленнымъ существомъ, тогда
какъ міръ—проявленіе и раскрытіе Его жизни, полонъ и
богатъ качествами и опредѣленіями, хотя соединенными съ
границами бытія? Повторяемъ, что рѣшительно не въ состояніи

*

представить этого, если только пантеисты признают хоть какую либо действительность за бытіемъ существа безконечнаго, представляя Его—въ родѣ безкопечнаго моря, изъ котораго текутъ рѣчки и ручьи, или необъятнаго солнца, котораго лучи вездѣ разливаются. Если, по взгляду пантеистовъ, между конечнымъ и безконечнымъ такое же отношеніе, какое между ручьемъ или частичкою воды и моремъ, между отдѣльнымъ лучемъ солнца и солнцемъ; то на какомъ основаніи пантеисты требуютъ въ безконечномъ исключать всякое свойство и качество, тогда какъ имъ владѣетъ каждое существо конечное? Если капля или сосудъ воды морской имѣютъ извѣстныя опредѣленные качества, то должно ли отсюда слѣдовать, что самое море не должно имѣть тѣхъ и нѣкакихъ другихъ качествъ? Если отдѣльный лучъ солнечный имѣетъ извѣстныя свойства, то слѣдуетъ ли отсюда, что солнце не должно имѣть въ себѣ ничего подобнаго? Если же пантеисты вмѣсто действительнаго безконечнаго существа разумѣютъ какое-то безконечное абстрактное, то напрасно они прибѣгаютъ къ подобнымъ уловкамъ, указывая на призракъ тѣмъ, для которыхъ важна только действительность, а абстракціи и призраки не имѣютъ никакого значенія. Мы убѣждены, что живемъ въ действительномъ мірѣ, котораго вишнвликъ есть существо живое действительное, вмѣстѣ съ этимъ мы несомнѣнно убѣждены въ томъ, что не можетъ быть и пѣтъ противорѣчія между міромъ и Богомъ, какъ тварію и Творцемъ, а есть напротивъ между ними близкая аналогія и отношеніе,—что міръ, особенно въ своихъ высшихъ и совершеннѣйшихъ существахъ есть отображеніе совершенствъ Божіихъ,—образъ Божій. Потому-то, замѣчая въ мірѣ, что большее или меньшее совершенство существъ зависитъ отъ большей или меньшей полноты и разнообразія свойствъ и качествъ, что всякое существо есть настолько высшее и действительнѣйшее существо, насколько владѣетъ опредѣляющими и

характеризующими свойствами, заключаемъ и иначе не можемъ заключать, что Богъ виновникъ міра, отпечатлѣнный въ немъ свои совершенства, есть безконечная полнота самыхъ дѣйствительнѣйшихъ и существеннѣйшихъ свойствъ и качествъ, которыхъ образъ или тѣнь отражается въ существахъ конечныхъ, въ слабомъ и тускломъ видѣ, сообразно ихъ ограниченной природѣ. И при этомъ мы вполне убѣждены, что наше представленіе о Богѣ не имѣетъ ни малѣйшей тѣни противорѣчія съ представленіемъ о Немъ, какъ существѣ безконечномъ, и что, напротивъ, другое представленіе о Немъ, подобное пантеистическому, было бы прямымъ противорѣчіемъ Его совершеннѣйшей природѣ и жизни. Если бы мы приписывали Богу то, что составляетъ границы бытія, напримѣръ: продолжительность, протяженность, матеріальную фигуру, это было бы противорѣчіемъ. Продолжительность безконечная, протяженіе безконечное, фигура безконечная, очевидно понятія противорѣчающія. Но приписывать безконечному существеннѣйшія свойства и качества, которыя могутъ существовать и независимо отъ границъ или предѣловъ, это совершенно иное дѣло, и здѣсь, ясно, нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія.

Такъ мы приписываемъ Богу разумъ. Намъ говорятъ пантеисты, что это противорѣчіе понятію безконечнаго,—это значитъ низводить Безконечное на степень конечнаго существа, подчиненнаго условіямъ пространства и времени, потому, что разумъ постепенно развивается и усвершеняется, постепенно обогащается большимъ или меньшимъ запасомъ свѣдѣній, постепенно и непрерывно стремится къ тому, чтобы исчерпать всю полноту знанія, и въ тоже время никогда не достигаетъ этого. Все это такъ. Такой разумъ приписывать Богу конечно неслѣпность и противорѣчіе. Но кто же его въ этомъ видѣ приписываетъ Богу? Почему не хотите понять той простой вещи, что разумъ и границы, въ которыя онъ поставленъ, совер-

шенно не одно и тоже? Разумъ неразрывно связанъ съ этими границами въ существахъ конечныхъ, и потому онъ здѣсь ограниченъ. Но почему нельзя быть разуму безъ подобныхъ границъ? Почему бы нельзя было представить разума безграничнаго или бесконечнаго? Какое тутъ противорѣчіе? А разумъ бесконечный, существующій независимо отъ границъ бытія, само собою разумѣется, чуждъ всякой послѣдовательности и преемственности, которыя неизбѣжны для разума ограниченаго. Онъ знаетъ все вдругъ и совершеннѣйшимъ образомъ.

Мы приписываемъ Богу волю и самоощущеніе. Опять намъ говорятъ, что вы списываете черты съ людей—существъ конечныхъ, и переносите ихъ на Бога, низводя чрезъ это существо бесконечное на степень конечнаго,—воля не бываетъ безъ усилій, радость и любовь безъ скорби и огорченій, и т. п. Но никто здравомыслящій не припишетъ такой воли, такого рода чувствъ Богу, каждый безъ труда пойметъ, что они не соотвѣтствуютъ природѣ бесконечнаго существа. Каждый же легко пойметъ и то, что воля и чувство возможны независимо отъ тѣхъ границъ и условій, съ которыми они связаны въ людяхъ, и что они въ такомъ именно, а не иномъ видѣ должны существовать и существуютъ въ Богѣ, будучи уже совершенно чужды тѣхъ случайностей и слабости, которымъ подвержены бывають въ существахъ конечныхъ.

Представляютъ, что самое разнообразіе свойствъ въ Богѣ, какъ опредѣленій, должно быть противорѣчимъ, потому что они должны взаимно ограничивать, и, такъ сказать, вытѣснять другъ друга. Но это пустое и ни на чемъ не основанное представленіе. Исключаетъ ли наприимѣръ и вытѣсняетъ ли собою разумъ—свободу, или свобода—разумъ? Исключаетъ ли собою любовь къ истинѣ—любовь къ добру? Противорѣчатъ ли въ чемъ либо между собою истинное, прекрасное, доброе? Не стоятъ ли, напротивъ, все эти свойства въ самой внутренней,

гармонической и неразрывной связи между собою, такъ что одно другое, такъ сказать, призываетъ, и необходимо предполагаетъ, и всѣ вмѣстѣ составляютъ одно нераздѣльное, гармоническое, живое единство, въ слабомъ свѣтѣ отражающееся на совершеннѣйшихъ существахъ конечныхъ, а въ полномъ и совершеннѣйшемъ свѣтѣ сіяющее въ природѣ Существа безконечнаго?

Но такое единство, говорятъ намъ, вовсе невысказуемо, при допущеніи въ Богѣ разнообразныхъ силъ и качествъ, необходимо исключаютъ безусловное единство. Разумъ на примѣръ можетъ ли быть понятъ безъ всякаго различія? Его дѣятельность необходимо предполагаетъ различіе мыслящаго отъ мыслимаго (субъекта отъ объекта). Воля необходимо предполагаетъ различіе желанія отъ предмета желанія, любовь—тоже, не говоря уже о многихъ условіяхъ, необходимо предполагающихъ различіе.—Но мы не думаемъ утверждать въ Богѣ такого пустаго, абстрактнаго единства. Мечтая о немъ, пантеисты не догадываются, что оно существуетъ только въ ихъ воображеніи и не имѣетъ никакого отношенія къ живому, дѣйствительному единству, подобно тому, какъ и ихъ абстрактное, безкачественное и безжизненное безконечное существо не имѣетъ ничего общаго съ живымъ и дѣйствительнымъ Богомъ. Мысль Божественная, какъ мысль живая, мысль дѣйствительная, безъ сомнѣнія, предполагаетъ нѣкоторое различіе между мыслящимъ и мыслимымъ, равнымъ образомъ воля и любовь—нѣкоторое различіе между желающимъ и любящимъ, и предметомъ желанія и любви. Но различіе нисколько не исключаетъ безусловнаго единства, потому что въ Богѣ мысль и предметъ мысли, желаніе и любовь и ихъ предметъ—между собою совершенно тождественны. Будучи не отвлеченнымъ какимъ либо существомъ, а живымъ и дѣйствительнымъ, Онъ живетъ всею полнотою своей жизни,—сознаетъ Себя,—направляетъ свою жизнь къ Себѣ

самому, ощущаетъ блаженнѣйшее свое состояніе. Но это символическое сознание, это самоопредѣленіе, это самоощущеніе, при полнѣйшей гармоніи въ Немъ бытія и совершенствѣ, не производитъ никакого раздѣленія, никакой дисгармоніи, никакой послѣдовательности и преемственности,—а напротивъ вполне соответствуетъ самому строгому, безусловному, но въ то же время, не абстрактному, а живому единству.

Въ силу тѣхъ же основаній, по которымъ представляемъ Бога обладающимъ полнотою существеннѣйшихъ свойствъ и качествъ, мы приписываемъ Ему бытіе личное. Иначе мы и не можемъ представлять живаго и дѣйствительнаго Бога, какъ существомъ личнымъ; безъ личности Богъ—это мечта воображенія, это не Богъ, ни виновникъ міра сего, и въ особенности личныхъ существъ. Можетъ ли быть безличнымъ виновникъ міра, на вершинѣ котораго стоятъ разумныя, личные существа? Никто не станетъ оспаривать того положенія, что въ причинѣ должно быть, если не больше, то по крайней мѣрѣ не меньше того, что есть въ дѣйствиіи. Какимъ же образомъ личное можетъ произойти отъ безличнаго? Можетъ быть причина происхожденія конечныхъ личностей—въ нихъ же самихъ? Но такъ думать,—это совершенно равносильно тому странному и противорѣчающему предположенію, что причина и конечнаго и условнаго бытія заключается въ немъ же самомъ, или что то же самое другими словами, конечное и условное бытіе по своей природѣ есть безконечное, безусловное. Предполагать же послѣднюю основу личнаго бытія въ каждой ли порознь разсматриваемой личности, какъ индивидуумѣ, или же въ воображаемой нѣкоторыми всеобщей личности челоуѣчества, слагаемой изъ всѣхъ частныхъ личностей,—это все равно, потому что личности конечныя, будутъ ли онѣ разсматриваемы каждая порознь, или всѣ вмѣстѣ,—все будутъ тѣ же,—условны и ограничены, подвержены всѣмъ несовершенствамъ развитія, случай-

ности и пресметственности,—однимъ словомъ, со всѣми признаками условнаго и зависимаго бытія, указывающими на существованіе не въ немъ самомъ, а внѣ его, причины высшей, по своей природѣ безусловной, независимой, и въ тоже время личной. Какъ всѣ вообще конечныя существа своими только относительными совершенствами и непрерывнымъ стремленіемъ къ высшему совершенству, указываютъ на существо, обладающее всею полнотою совершенствъ; такъ въ частности хотя личнымъ, но относительнымъ бытіемъ, прямо указываютъ они на Высочайшую личность, отпечатлѣвшую себя, какъ въ образѣ, въ конечныхъ личностяхъ, которыя постоянно стремятся къ уподобленію Ей чрезъ большее и большее раскрытіе, опредѣленіе и усовершенствованіе своей природы.

Но пантеисты не отвергаютъ, по крайней мѣрѣ повидимому, необходимости признать безусловную причину для объясненія происхожденія личностей условныхъ, а не считаютъ только нужнымъ, и даже признаютъ несообразнымъ приписывать этой причинѣ личное бытіе. Но то и другое не имѣетъ никакого основанія и силы. Мы повторяемъ, что для объясненія происхожденія условныхъ личностей, необходимо допустить безусловное, личное существо, какъ ихъ причину, безъ этого никакая мысль философская не въ состояніи даже объяснить происхожденія личныхъ существъ, будучи не въ силахъ безъ противорѣчія себѣ представить того, какимъ образомъ личное бытіе можетъ произойти изъ безличнаго? Что же касается тѣхъ несообразностей, на которыя пантеисты ссылаются, желая найти противорѣчіе между представленіями личности и Божества, то онѣ совершенно мнимы, и вовсе не существуютъ для тѣхъ, которые безъ предубѣжденія разсуждаютъ о дѣлѣ. Въ чемъ пантеисты видятъ здѣсь несообразность и противорѣчіе? Въ томъ же, въ чемъ видѣли прежде, считая полнотію и несообразностію приписывать Безконечному какія либо свойства

и качества или опредѣленія. Личность, какъ и всякое качество, разсуждаютъ они, есть опредѣленіе, а всякое опредѣленіе есть ограниченіе или отрицаніе. Личность, слѣдовательно, и Безконечное—совершенно противорѣчащія понятія. Безконечное не есть такое, или иное существо, оно необъятно и все собою обнимаетъ, личность же нѣчто, заключенное въ опредѣленныхъ предѣлахъ, и исключющее то, что внѣ его находится. Вотъ главное основаніе, на которомъ становятся пантеисты, выискивая всевозможныя несообразности—въ представленіи о Богѣ, какъ существѣ личномъ. Какъ твердо ихъ положеніе: всякое опредѣленіе есть отрицаніе, мы уже видѣли, разсматривая его по отношенію къ опредѣляющимъ существеннымъ свойствамъ природы Божіей. Такую же силу оно имѣетъ и здѣсь въ вопросѣ о личности и отношеніи ея къ предѣламъ или границамъ бытія. Вся ошибка и заблужденіе пантеистовъ—въ томъ, что они, какъ тамъ смѣшивали и отождествляли опредѣляющія качества съ границами бытія, такъ и здѣсь личность, составляющую собою высшую степень, и такъ сказать средоточіе опредѣляющихъ существенныхъ качествъ бытія, смѣшиваютъ и отождествляютъ съ тѣми же границами, тогда какъ это вещи совершенно разныя. Кто не видитъ, что личность и границы бытія—не одно и тоже, что онѣ не всегда сходятся между собою, и не только не стоятъ между собою въ одинаковомъ отношеніи, а напротивъ—въ совершенно обратномъ? Восходите вы по лѣстницѣ существъ, начиная отъ низшихъ къ высшимъ, вездѣ вы встрѣтите границы бытія, ограждающія то, что есть въ существахъ, и выдѣляющія или отрицающія то, чего нѣтъ въ нихъ, и находится внѣ ихъ, но не вездѣ вы встрѣтите личность,—въ первый разъ ее увидите только въ людяхъ, которыми начинается кругъ разумно-свободныхъ существъ. И камень имѣетъ границы, отдѣляющую его массу отъ другихъ видовъ бытія, и растеніе имѣетъ свои предѣлы, далѣе которыхъ

оно не простирается и въ которые не вторгаются другіе предметы, и насѣкомое и животное имѣютъ ограничительныя формы, которыя заключаютъ въ предѣлахъ ихъ жизнь и развитіе, и отличаютъ ихъ отъ всѣхъ другихъ существъ,—отъ камней, растеній и людей; но все это не личности. Личность, значитъ, заключается не въ границахъ бытія, не въ сформированности, ограничивающей извѣстное существо, и отдѣляющей его отъ другихъ существъ, а въ чемъ-то другомъ. Это вѣчто—есть не что иное, какъ самообладаніе,—частнѣе, самосознаніе, соединенное съ самоопредѣленіемъ и самоощущеніемъ. Главная основа личности, слѣдовательно,—внутри, въ природѣ самаго существа, а не въ границахъ, въ которыхъ поставлена личность,—личность съ существенными своими свойствами можетъ быть мыслима при такихъ или другихъ границахъ, и безъ нихъ. Личность въ существахъ конечныхъ поставлена въ неразрывной связи съ границами бытія, потому-то она и ограничена, условна, потому-то въ ней вѣтъ и не можетъ быть полного самообладанія, полного и совершеннаго самосознанія, самоопредѣленія и самоощущенія, потому-то она подчинена всѣмъ условіямъ преемственности и развитія. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что не можетъ быть личности высшей, совершеннѣйшей, стоящей независимо отъ всѣхъ этихъ условій? Почему нельзя представить существованія такой личности? Какое тутъ противорѣчіе, если принять во вниманіе, что основа личности заключается въ самой природѣ существа, а не въ какихъ либо предѣлахъ? Почему мы, приписывая Богу совершеннѣйшее самообладаніе своимъ существомъ, полнѣйшее и чистѣйшее самосознаніе съ такимъ же самоопредѣленіемъ и самоощущеніемъ, необходимо должны въ тоже время представлять Его существомъ ограниченнымъ? Если мы сравнимъ личность вообще съ кругомъ, въ которомъ обыкновенно бывасть центръ, окружность и радіусы, хотя это сравненіе не вполнѣ точное и

уясняющее дѣло; то спросимъ, будетъ ли противорѣчіе понятію о кругѣ, если мы станемъ увеличивать кругъ до необъятныхъ размѣровъ, превышающихъ всякое наше представленіе, въ какомъ видѣ онъ могъ бы служить нѣкоторою, хотя слабою, эмблемою личности безграничной? Не думаемъ. Нѣтъ, никто не сознаетъ, и не сознаетъ противорѣчія въ признаніи Бога безконечною личностію, кто только признаетъ Его безконечнымъ и совершеннѣйшимъ Существомъ, въ собственномъ смыслѣ существомъ дѣйствительнымъ и живымъ.

Но личность, какъ я, какъ такое или иное существо, еще говорятъ пантеисты, необходимо предполагаетъ — не я, другія внѣ ея находящіяся существа, слѣдовательно, она должна быть ограничена. — Нисколько. Эти черты личности списаны съ личностей конечныхъ и условныхъ. Но что можно сказать объ этихъ личностяхъ, какъ конечныхъ и условныхъ, того, безъ сомнѣнія, никакого нѣтъ основанія переносить на Личность безконечную и безусловную. Личность конечная, потому необходимо предполагаетъ внѣ себя другія личныя или безличныя существа, что она условна, что ея жизнь, ея развитіе стоятъ въ необходимой связи съ окружающею ее дѣйствительностію. Личность же безусловная ни въ чемъ стороннемъ не нуждается, ни отъ чего сторонняго не зависитъ, имѣя жизнь въ Себѣ самой, и потому она не предполагаетъ необходимо внѣ себя существъ, которыя бы нужны были для Ея поддержанія, и вмѣстѣ ограничивали бы Её — А міръ, взываютъ пантеисты, который вы отличаете отъ Бога, и ставите внѣ Его? Такъ, міръ отличенъ отъ Бога, и Богъ отличаетъ Себя отъ міра, но мы не думаемъ, чтобы міръ, получившій свое бытіе отъ Бога, былъ ограниченіемъ Его самобытной природы и независимой ни отъ какихъ условій Его жизни. Если Богъ, не вслѣдствіе какой либо необходимости, а по любви своей и благодати, далъ бытіе міру, безъ всякаго умаленія и ущерба своей безконечной природы,

то Онъ могъ и поставить міръ въ такое къ Себѣ отношеніе, въ которомъ міръ не можетъ служить для Него какимъ либо ограниченіемъ, хотя это отношеніе должно быть тайною для человѣка. Вотъ короткій отвѣтъ на возраженіе пантеистовъ и вполне удовлетворительный для того, кто признаетъ бытіе истиннаго и живаго Бога, и оставляетъ за міромъ нѣкоторую долю отдѣльнаго, самостоятельнаго и дѣйствительнаго бытія.

Но мы знаемъ, что пантеисты имъ нисколько не удовлетворяются. Потому что у нихъ есть готовый уже свой особенный взглядъ на міръ, его происхожденіе и отношеніе къ Богу, совершенно несогласный съ нашимъ взглядомъ. Онъ-то составляетъ существенную черту религіозной пантеистической философіи, и главную мѣрку, которою пантеисты измѣряютъ всѣ вещи. Въ виду-то этого самаго взгляда на отношеніе Бога къ міру, пантеисты встаютъ противъ представленія о Богѣ, какъ существѣ личномъ, отдѣльномъ и отличномъ отъ міра. Потому мы и переходимъ къ вопросу о происхожденіи міра и отношеніи его къ Богу. Посмотримъ, какъ онъ рѣшается пантеистами, и какую силу имѣетъ это рѣшеніе.

(Окончаніе будетъ).

А. Сильвестръ.